

ИВАН
КУЩЕВСКИЙ

НИКОЛАЙ НЕГОРЕВ,
ИЛИ
БЛАГОПОЛУЧНЫЙ
РОССИЯНИН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Москва
T8 RUGRAM
2019

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К96

Кущевский, И.А.

К96 Николай Негорев, или благополучный россиянин. Часть первая / И.А. Кущевский. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 126 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-517-00174-0

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Ивана Афанасьевича Кущевского «Николай Негорев, или благополучный россиянин. Часть первая».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-00174-0

© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

I. АНДРЕЙ ПРОСВЕРЛИЛ ГВОЗДЕМ ТЕТКИНУ КИПАРИСНУЮ ЛОЖКУ	5
II. ПОЯВЛЯЕТСЯ НЕИЗБЕЖНЫЙ ВО ВСЯКОЙ СОВРЕМЕННОЙ ПОВЕСТИ СЕМИНАРИСТ	18
III. МЫ УЕЗЖАЕМ	29
IV. Я ЗНАКОМЛЮСЬ С ОВЕРИНЫМ, КОТОРЫЙ ХОЧЕТ УДАЛИТЬСЯ В ПУСТЫНЮ	40
V. МЫ ДЕЛАЕМ С БРАТОМ В ОДИН ДЕНЬ НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ОТКРЫТИЙ	59
VI. ОВЕРИН КАК МИРЯНИН И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ	69
VII. МЕНЯ СЕКУТ РОЗГАМИ ЗА УЧАСТИЕ В КУЛАЧНЫХ БОЯХ	83
VIII. АНДРЕЙ ПОКУШАЕТСЯ НА МОЮ ЖИЗНЬ	99
IX. ОВЕРИН ДЕЛАЕТСЯ НИГИЛИСТОМ И СОЗДАЕТ ТЕОРИЮ МИРА	115

I.
АНДРЕЙ ПРОСВЕРЛИЛ ГВОЗДЕМ
ТЕТКИНУ КИПАРИСНУЮ ЛОЖКУ

Раз мой старший брат Андрей совершил в один день три довольно тяжелые преступления. Утром, качаясь с маленькой сестрой Лизой на качели, он нечаянно уронил ее и чуть не расшиб ей голову; перед завтраком похитил из кладовой отцовское ружье и сделал из него, к великому ужасу тетушки, два выстрела холостыми зарядами. Но ужас и негодование тетки достигли крайних пределов только за обедом, когда открылось третье преступление Андрея. Как ни привыкли все в доме хладнокровно смотреть на разнообразные шалости брата, но последняя его каверза не могла остаться без внимания, так как тут было оскорблено главное лицо семейства — тетушка. В голове моей даже появилась нелепая мысль, что отец рассердится и велит высечь Андрея. Я часа два весело проходил в своей комнате из угла в угол, злорадно соображая, как кучер Ефим, короткий приятель брата, принужден будет тащить его на конюшню (я был убежден, что сечь можно только на конюшне), как брат будет бесполезно сопротивляться, кричать и браниться. Я не то чтобы совсем ненавидел Андрея, но нельзя сказать, чтобы я его и любил, как следует любить брата. Он был старше меня всего одним годом, но гораздо выше ростом, ловче и сильнее. В простоте души я думал, что он никого не боится, и очень завидовал ему.

Между тем как я, бессильный, слабый и часто больной, сидел по целым дням в детской с книгами и картинками, брат, встававший всегда очень рано, с утра и до ночи возился с деревенскими мальчишками, к которым я чувствовал страх и отвращение, какое чувствую теперь к крысам и моськам. В обществе этих грязных, полунагих животных, с коричневым телом и блестящими зубами, он не только разорял гнезда, травил деревенских собак и катался на жеребятках, но не брезгал играть в городки и бабки.

Раз он привел даже в нашу комнату одного из своих коричневых приятелей, и я удивлялся, глядя, как Андрей без всякой осторожности хватался за грязные, растрескавшиеся руки мальчишки, который робко смотрел в землю, окончательно потерявшись в незнакомой обстановке. Мне казалось, что от прикосновения к грубой коричневой коже на руках Андрея должны появиться чесоточные прыщи и всякие злокачественные коросты, поэтому я пришел в окончательный ужас, когда мальчишка, по приказанию брата, хотел сесть на стул. Впрочем, бедняк, кажется, боялся меня больше, чем я его, и при первом моем крике бросился бежать в совершенном беспамятстве. Из-за этого у нас с братом произошла бурная сцена, в которой в сотый раз мы подтвердили условие о разделении комнаты на две части и полном невмешательстве в территорию друг друга. В этот раз, как и вообще после каждой ссоры, Андрей отчерчивал мелом на полу свою половину комнаты, и, таким образом, я лишался возможности прохаживаться (переступить демаркационную линию было нельзя), но зато выигрывал чистоту и опрятность около своей кровати, так как Андрей, строго исполняя условия, мог строгать и сорить только в своей половине.

Вспоминая теперь нашу жизнь в одной комнате и наши беспрестанные ссоры, я никак не могу объяснить одного обстоятельства: почему брат ни разу не покушался поколотить меня. В этом ему никто не мог помешать, и куда прибежала бы из соседней комнаты Лизина нянька Федосья, Андрей мог оттузить меня весьма порядочно. В полной безнаказанности за это он мог быть уверен. Правда, тетушка пришла бы в негодование и заговорила бы о приличиях высшего московского общества, но Андрей на ее выговоры не обращал никакого внимания. Что касается до отца, то он никому из нас, никогда в жизни, не делал никаких выговоров, отвечая добродушным смехом на все жалобы тетушки, направленные, конечно, по большей части против Андрея, о котором она всегда сокрушалась как о человеке, невозвратно погибшем. Находясь в полном повиновении у тетушки и некоей Авдотьи Николаевны — нашей гувернантки, поминутно вздыхавшей без всяких видимых причин, точно она только что отошла от постели умирающего друга, — я очень завидовал независимости Андрея, но никогда не покушался завоевать себе хоть половину той свободы, какой он пользовался. Читая Плутарха и находя, что почти все великие люди в моем возрасте чуждались детских игр, я гасил свою зависть, сообщая, что создан великим человеком и что взамен физических совершенств имею большое преимущество перед братом в умственном отношении. Но это преимущество не мешало мне, впрочем, больше любить игру в дурачки с Федосьей или просто шатанье в лесу, нежели чтение вслух, по приказу тетушки, каких-то стародавних книг, напечатанных на мягкой толстой бумаге, от которой пахло клопами, кожей и жасмином. Я помню мучительные вечера, когда тетушка, поставив перед своим носом свечу и кропотливо нанизывая

петли своего вязанья, томила меня над повестями госпожи Жанлис или благочестивыми размышлениями госпожи Геи, в которых я понимал очень мало и еще меньше находил занимательности. Читая, я впадал в самые разнородные тоны, начиная от умилительного пафоса до самого жалобного, мнорного тона. То душил меня кашель, то чесалось в носу, то хотелось пить; но ничто не помогало; все эти хитрости были только паллиативными мерами, и, напившись воды или выморкавшись, я принужден был снова приниматься за невыносимое рассуждение о вреде и пользе какого-нибудь *любо-честия*. Тетка как будто не обращала внимания на мое нетерпение и скуку: она спокойно сидела, наклонившись над вязаньем, и, по временам взглядывая на нее, я видел только белый чепчик и две косички прилизанных седых волос. Нетерпение мое выходило из всяких пределов, я перевертывал сразу пять или десять страниц, и тем же ровным голосом, как будто ни в чем не бывало, продолжал чтение, наивно воображая, что тетка ничего не замечает. Но и этот маневр не удавался. «Ну, что ты?» — холодно спрашивала она, брала у меня книгу, отыскивала страницу и клала ее передо мной с спокойствием инквизитора, не чувствующего чужой боли под пыткой. Безучастно выговаривая семиколенные периоды, я уносился далеко мыслями к деревьям, на которые, может быть, лазит теперь брат, к огороду, где он, может быть, запрягает теперь собак в маленькую тележку, и только запах клопов или жасмина при перевертывании страницы выводил меня из задумчивости. Даже воображая брата лишенным своих коричневых друзей, я во время исполнения моих читальщицких обязанностей находил, что он в тысячу раз счастливее меня и вовсе не скучает, играя с нянькой в карты или слушая ее воспоминания о двенадцатом годе, когда она была еще ма-

ленькой девчонкой и конвоировала вместе с другими пленными французов, коченевших от холода. Но и без старухи Федосьи он мог быть счастлив, толкаясь на кухне и забавляясь сальными шутками кучера Ефима, который пользовался, как сказано выше, его особым расположением.

Ефим устраивал брату самострелы и своими огромными черными пальцами показывал, как следует пользоваться этим оружием на погибель воробьев и цыплят. По утрам, когда отец возвращался верхом со своей прогулки, совершаемой им во всякую погоду для моциона, Ефим сажал брата в седло и позволял ему кататься по двору. Летом они ловили рыбу в нашем пруду; зимой Ефим устраивал при помощи мальчишек снежную гору, и в нашем дворе по целым дням стоял шум и гвалт, так как никто не хотел тратить драгоценное время исключительно на катанье, а старался смешивать это увеселение с возней и дракой. Одним словом, Ефим был другом и покровителем брата, точно так же как нянька Федосья была моим. Впрочем, отношения мои к Федосье вовсе не были похожи на отношения брата к кучеру Ефиму. Федосья относилась ко мне как к младшему — делала выговоры и поучала меня; Ефим говорил с братом как с равным. Федосья могла сказать мне: «Опять утираешь нос рукавом; разве нет платка?». Ефим говорил брату: «Не лазайте, барич, по крышам: тетенька увидит, забранит». Брат любил Ефима и защищал его; я любил Федосью, но не имел повода защищать ее: она была сильнее меня во всех отношениях. Когда Ефим, по врожденной своей лени, без должной аккуратности выгребал навоз из конюшен и это навлекало на него гнев управляющего, старика Михеича, Андрей являлся к крыльцу флигеля и своими упрашиваниями отвращал от Ефима упреки, брань и угрозы. Федосья была лицо, почти равное управляющему, лицо, со-

вершено свободно разговаривающее с тетушкой, и мне не перед кем было заступиться за своего друга. Даже во время передобеденных сшибок с отцовским лакеем Савельем по поводу пшеничного хлеба, которого якобы он, Савелий, жалел для нее, я не мог пристать на ее сторону открытым союзником, а должен был только ограничиваться мысленным ни-спосыланием на голову Савелья всяких бед — «труса, потопа, огня и меча». Савелий, всегда гладко выбритый, вел себя очень тихо и благопристойно; он с такими спокойными манерами вправлял свечи в подсвечники, с какими добрый отец благословляет своего сына в дальнюю дорогу; наконец, он с такой сосредоточенной серьезностью подавал — не подавал, а преподносил — кушанье, что я должен был чувствовать к нему невольное почтение и естественным образом побаивался вступить с ним в неприязненные отношения, хотя бы и для нежно любимой Федосьи.

Мы жили в селе Негоре, прозванном так, вероятно, за свое красивое местоположение. Действительно, с горы, где прежде стоял барский дом, видна была кругом обширная зеленая долина, на которой пестрели вдали желтые и черные краски деревьев и блестела река, точно хорошо вычищенный столовый ножик. Имение это принадлежало прежде нам, но отец продал все, исключая трех или четырех семей, считавшихся дворовыми. Оставшись без крепостных, он жил процентами с капитала и подсмеивался над своим положением помещика без поместья. Впрочем, отец смеялся над всем, и я ни разу не видел, чтобы он рассуждал о чем-нибудь серьезно. У него не было мефистофелевского смеха, а был юмор толстяка, которым он решительно убивал тетушку, подсмеиваясь над ее волнениями из-за всяких пустяков. Тетушка относилась к нему, как к больному, капризов которого она не может понять, но считает